

Викторiya
ВЕСТИЧ

БЫВШИЙ Таня

ДЛЯ ЛАПЧОКИ-ДОЧКИ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Виктория Вестич

БЫВШИЙ папа для лапочки-дочки

<https://litres.ru/74690363>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Ты что вообще на дороге делаешь?! Чуть под колеса не угодила! Куда твоя мать вообще смотрит?! – рявкаю я во все горло, нависая над рыжей девчонкой лет пяти на вид.

Она восседает за рулем игрушечной машинки ядовито-розового цвета и, невозмутимо поправив на носу очки в форме звезд, выдает:

– Не кипятись, дядя, у меня толмозной путь колоткий. Я всё лассчитала.

Шокированно пялюсь на мелкую несколько секунд и рыкаю:

– Ну-ка показывай, где тут твоя мать. Сейчас я ей устрою!

Но когда я, Марк Суворов, встречаю мать этой мелкой рыжей катастрофы, понимаю, насколько влип. И почему мне показались такими знакомыми эти рыжие волосы и зеленые глаза.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	47
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виктория Вестич

Бывший папа для лапочки-дочки

– Ты что вообще на дороге делаешь?! Чуть под колеса не попала! Куда твоя мать вообще смотрит?! – рявкаю я во все горло, нависая над рыжей девчонкой лет пяти на вид.

Она восседает за рулем игрушечной машинки ядовито-розового цвета и, невозмутимо поправив на носу очки в форме звезд, выдает:

– Не кипятись, дядя, у меня толмозной путь колоткий. Я всё лассчитала.

Шокированно пялюсь на мелкую несколько секунд и рыкаю:

– Ну-ка показывай, где тут твоя мать. Сейчас я ей устрою! Но когда я, Марк Суворов, встречаю мать этой мелкой рыжей катастрофы, понимаю, насколько влип. И почему мне показались такими знакомыми эти рыжие волосы и зеленые глаза.

Глава 1

– Говорю тебе, Павел, мне плевать на их кризис и то, что они не успевают. Если к вечеру на моем столе не будет готового бизнес-плана, эта конторка окажется в такой заднице, о которой и помыслить не могла. Вместе с их мечтами о зарботке. Конец связи.

Я бросаю телефон на кожаное сиденье своего майбаха и раздраженно морщусь. Ненавижу, когда работу не делают в срок. Особенно когда надеются, что я вложу в их проект нехилые такие инвестиции. За красивые глаза, видимо. Или за веру в светлое будущее.

– М-да уж, Марк, давно тебя в такие злачные места не заносило, – бурчу под нос, оглядывая через стекло тоскливый пейзаж спального района.

Облупленные серые пятиэтажки навевают жуткий депрессняк и я бы сюда даже не заехал, если бы не искал ту самую долбаную фирму, что, видимо, захотела меня кинуть с бизнес-планом. Меня, Марка Суворова!

Вот и давай потом шанс начинающим предпринимателям! Помочь, блин, захотел, знаю же, как на старте бизнеса тяжело. Ну ничего, я сейчас лично этого придурка тряхну. Объясню ему, что бывает, если деловые договоренности не соблюдать и к убыткам меня подводить.

Так что сейчас мне приходится петлять по узким двори-

кам, рискуя поцарапать мою ласточку о какой-нибудь брошенный велосипед, выискивая адрес офиса этой гребаной фирмы. Пытаюсь ехать по навигатору, но проезд тут такой узкий, что ползти приходится, как черепахе.

Медленно, но верно закипаю и матерюсь под нос, вырливая из-за покосившегося мусорного бака. Жму на педаль газа на эмоциях и именно в этот момент прямо под колеса моей тачки вылетает нечто.

Нечто маленькое, розовое и отчаянно жужжащее.

Вцепившись в руль до хруста костяшек, я давллю на тормоз. Колодки визжат так, что, кажется, слышно даже в соседнем районе.

Какого?! Кто за ребенком не следит?!

– Твою мать!

Я и так с утра рвать и метать готов, не хватало мне еще аварии! И черт бы с этим майбахом, не дай бог наехал!

Вылетаю из машины, готовый уже к любому раскладу, и натыкаюсь взглядом на детский электромобиль ядовито-розового цвета. За рулем этого безобразия сидит создание лет пяти с копной огненно-рыжих волос, собранных в два неровных хвостика.

Хвостики торчат в разные стороны так, будто сама их делала. Скорее всего, так и есть.

На смену облегчению моментально приходит злость.

– Ты что вообще на дороге делаешь?! Чуть под колеса не попала! Куда твоя мать вообще смотрит?! – рывкаю во все

горло, нависая над мелкой.

Любой нормальный ребенок на ее месте расплакался бы или хотя бы испугался. Эта же с деловым видом поправляет на носу игрушечные очки в форме звезд и совершенно невозмутимо отвечает:

– Не кипятись, дядя, у меня толмозной путь колоткий. Я все лассчитала.

Я в аут выпадаю. Окидываю мелкую шокированным взглядом.

– Ты откуда вообще такая на мою голову взялась?

– С плоката машин, – сообщает рыжуля таким тоном, будто это самая очевидная вещь на свете. – Дела лешать еду.

Хмыкаю неопределенно. Дела, значит. У нее дела, у меня дела. Два деловых человека встретились посреди спального района.

И тут из-за угла, задыхаясь, выбегает полная женщина в униформе с надписью «Прокат "Веселый руль"». Судя по выражению лица, веселье для меня закончилось примерно в тот момент, когда эта рыжая катастрофа ростом с метр появилась на горизонте.

– Молодой человек! – вопит женщина, тыча в девчонку дрожащим пальцем. – Вы почему за ребенком не следите?! Она угнала машинку! Это бандитка, а не ребенок! Она там все клумбы переехала!

Я уже открываю рот, чтобы возразить, что мелкую вижу впервые в жизни, но она меня опережает.

С важным видом сняв очки, она выбирается из машинки и смотрит на работницу проката снизу вверх. Причем так, словно это она тут главная.

– Я не угоняла. Я леквизировала тлансполт для пловелки фолсажа на пледельных сколостях.

Тетка-прокатчица несколько секунд хлопает ресницами, переваривая услышанное. Я, признаться, тоже. Потом женщина лишь машет рукой, подхватывает свой розовый болид и, бормоча под нос “бандитка... воспитают же, а ты потом мучайся”, скрывается за углом. Видимо, решает, что спорить с этим существом себе дороже. Мудрая женщина.

А вот мне совесть не позволяет просто взять и уехать, ведь что-то никого из взрослых рядом с ребенком не наблюдается. Причем мордашка мелкой кажется мне смутно знакомой, хотя с чего вдруг? Среди моих друзей еще никто детьми не обзавелся, а детские садики в список моих любимых заведений точно не входят.

– Ладно, – говорю я, складывая руки на груди, – а зовут-то тебя как, угонщица?

Приосанившись, девчонка выдает:

– Я Соня. Самая главная и клутая луководительница бизнеса!

Не могу не улыбнуться. Метр с кепкой, а уже такая важная.

– Понял, – усмехаюсь я. – А я Марк, тоже крутой руководитель бизнеса. Коллеги, получается. Так скажи, Соня, за-

чем тебе понадобилось реквизи́ровать транспорт?

Соня смотрит на меня оценивающе, будто прикидывает, достоин ли я услышать великую тайну.

– Это для бизнес-плана! – сообщает она наконец. – Мы с котом Мулзиком запускаем сталтап. Доставка сосисок для очень занятых котов.

Она тычет пальцем в свой рюкзачок за спиной, из которого высовывается мордочка черного котенка. Судя по выражению морды, Мурзик в этом стартапе отвечает за скептицизм. Стоит мне протянуть к нему руку, как кот тут же ныряет вглубь рюкзака.

– Мулзик стесняется, – поясняет Соня. – Он у нас интелло-велт.

Опомнившись, рыжуля лезет в карман просторного платица и достает оттуда... связку из трех маленьких сосисок.

– Кстати, вот, – она всовывает их мне в руку. – Ты хоть и дядя, а не кот, но видно, что тоже очень занятой. Это тебе, поешь. Пелвая доставка бесплатно по пломокоду “дядя-злюка”.

Я озадаченно смотрю на крошечные детские сосиски в своей руке. Потом на майбах. Потом снова на сосиски. Где-то в параллельной вселенной я сейчас подписываю контракт на миллионную сделку.

– Спасибо, голодным не останусь, – бормочу я, не зная, куда теперь деть подарочек. – А мать-то твоя где?

Не бросать же малявку на улице. Судя по всему, у нее та-

кой характер, что уже через пять минут бизнесменша найдет себе приключений на пятую точку. Или организует во дворе финансовую пирамиду и начнет своим невинным видом привлекать местных бабуль. И тут уже неизвестно, кого я спасаю больше – Соню или этих самых бабуль от растраты пенсии.

– А, у мамы сейчас клизис, она плоблемы лешает!

– И где она? Ты что, без присмотра одна по улице гуляешь?

– Почему одна? – искренне удивляется бандитка. – Со мной же Мулзик! А мама не знает, я сбежала. Мне же доставку слочную надо выполнить! А то нам денюски нужны, там злой дядя на маму ругается, а она потом плачет!

Я осуждающе качаю головой. Ну что за нерадивая мамаша? Проблемы проблемами, но за ребенком следить надо. Хотя, судя по Соне, уследить за ней задачка не из простых.

– Знаешь адрес, где мама сейчас?

– Конесно! Тут недалеко, – машет она ручкой неопределенно.

– Ну прыгай тогда в машину, доставлю тебя по адресу. И с мамой твоей заодно воспитательную беседу проведу.

Открываю перед Соней дверь майбаха и та аж подпрыгивает от радости.

– На настояссей масине поедем?! – восторженно спрашивает она, сияя.

– А то, – хмыкаю гордо, умасленный тем, что мелкой моя

тачка понравилась. Хоть кто-то сегодня оценил по достоинству.

Соня, кряхтя, забирается на сиденье и деловито поправляет платице. Даже интроверт-Мурзик ненадолго высовывает мордочку от любопытства, принюхиваясь.

Я захлопываю дверь и машинально сую сосиски в карман пиджака за полмиллиона. Ну а куда их еще девать? Не выбрасывать же. Рыжая, вон, старалась, машинку даже угнала ради доставки.

Сажусь за руль и завожу авто. Ну сейчас я устрою этой нерадивой мамке за то, что ребенок по улицам один шастает!

Бросаю на девчонку взгляд и хмурюсь.

– Соня, ты это... больше в машины к чужим дядям не садись. Дяди ведь и злые бывают, так что лучше с ними вообще не разговаривай и сразу беги к взрослым.

Влипнет же в следующий раз!

– А я сразу увидела, что ты холосый, – беспечно дрыгая ногами, заявляет Соня, – сталтуй узе!

Тяжело вздыхаю и плавно жму на газ. Нет, я точно устрою взбучку ее матери. Причем похлеще, чем нерадивому бизнесмену, что меня кинуть решил. От одной мысли, что Соне мог встретиться кто-то с плохими намерениями, на душе паршиво.

А еще покоя не дает все то же смутное чувство, что где-то я уже видел эти рыжие волосы и наглые зеленые глаза...

Глава 2

Я веду свой майбах по убитым дворовым дорогам, а на соседнем сиденье восседает самая главная и крутая руководительница бизнеса, деловито болтая ногами в воздухе. До коврика ей не достать при всем желании, но Соню такие мелочи явно не смущают.

В кармане моего дорогущего пиджака греется связка детских сосисок, и я стараюсь не думать о том, что утро какое-то сюрреалистичное. Кто бы вообще мог подумать, что мои поиски шарашкиной конторы таким обернутся.

Соня оглядывает салон майбаха с видом инвестора, оценивающего потенциальную сделку, и спрашивает:

– Дядя Малк, а у тебя бизнес-план для твоей масины есть?

Я едва не давлюсь воздухом.

– В смысле?

– Ну, для мас-шта-би-ло-ва-ния, – произносит она по слогам так уверенно, будто каждый день ворочает миллионами. – Моя лозовая масынка быстрая, но у нее глаукоподъемность маленькая. Сосисок много не увезешь. А твоя большая! Можно, навелное, целый месок сосисок положить! Или два!!

Я бросаю на нее косой взгляд. Этот ребенок рассуждает как матерый логист. Я бы такого на работу точно нанял.

– Мой майбах, Соня, не для перевозки сосисок. Он для перевозки меня.

– Это пока, – невозмутимо парирует она. – Ты плосто еще не понял всех пелспектив. Мулзик, сказы ему!

Из рюкзачка доносится тихое “мяу”. То ли согласие, то ли Мурзик напоминает, что сам бы от сосиски не отказался. А я окончательно убеждаюсь, что попал в какой-то сюрреалистичный анекдот.

Полчаса назад я орал на Павла из-за сорванных дедлайнов, а теперь обсуждаю грузоподъемность майбаха с пятилетней бизнес-гуру и ее котом-интровертом.

– Куда ехать-то, бизнесвумен? – спрашиваю, сворачивая за очередной мусорный бак.

Соня на секунду задумывается, наморщив лоб.

– Прямо, потом налево, где большая селая собака спит, а потом направо там, где пахнет булоськами!

Я стискиваю зубы. Лучшие навигационные системы мира только что вышли из чата. Там, где пахнет булочками – это, конечно, гениальный, мать его, ориентир. Едешь такой по навигатору, а тебе женский голос диктует: “Через двести метров поверните направо, у запаха свежей выпечки”.

– А точнее можешь? Улица, номер дома?

– Не-а, – беспечно пожимает плечиками Соня. – Но я узнаю! Там еще лужа большая и кот лызий сидит!

Прекрасно. Серая собака, запах булочек, лужа и рыжий кот. Исчерпывающие координаты. Мой внутренний перфекционист тихо плачет в углу.

– А у тебя в масыне музыка есть? – интересуется Соня,

вертя головой.

– Есть.

– А детские песенки?

– Нет.

– Зля, – вздыхает она с таким разочарованием, будто я лично ее предал. – А что тогда слушаешь?

– Джаз. Классику иногда.

Соня морщит нос.

– Это где пилипим-пилипим и все грустные?

– Примерно.

– Понятно тогда, почему ты такой серьезный, – заключает она авторитетно. – Тебе надо “Акуленка” послушать. Ну или хотя бы “Синий трактор”. Слазу веселее станешь!

Я представляю, как еду по Москве на деловую встречу под “Синий трактор едет к нам”, и у меня дергается глаз. Хотя, если честно, после сегодняшнего дня это было бы вполне логичным продолжением.

– Дядя Малк, – вдруг говорит Соня уже другим тоном, тише и серьезнее, – а злой дядя, котолый на маму лугается... он ее сильно обизает?

Бросаю на нее быстрый взгляд. Эта бандитка больше не болтает ногами, сидит тихо и смотрит на меня своими огромными зелеными глазами. С такой надеждой, что у меня екает сердце.

Надо же. А я думал, давно его под бетонной плитой похоронил.

– Не знаю, – честно отвечаю я. – Но мы разберемся.

Сам не понимаю, почему это говорю. Какое мне дело до проблем какой-то незнакомой женщины, которая даже за собственным ребенком уследить не может? Но почему-то мысль о том, что кто-то доводит ее до слез, неприятно цепляет.

– А ты его побьес? – с надеждой спрашивает Соня.

– Я взрослых дядь не бью. Я с ними разговариваю.

– А если он не послушает?

– Тогда разговариваю убедительнее.

Соня обдумывает сказанное пару секунд и наконец одобрительно кивает.

– У тебя голос глзный. Точно пугать получается.

– Стараюсь.

За окном наконец появляется обещанная серая собака. Огромная дворняга развалилась прямо посреди тротуара, греясь на солнце.

– Вот, видис! Тут налево! – командует Соня.

Сворачиваю и приоткрываю окно. Через пару сотен метров в воздухе действительно появляется запах свежей выпечки. На углу обнаруживается крошечная пекарня “Как у мамы”. Надо же, работает навигация.

– Тепель наплаво! Видишь лузу? И вон тот лызий кот? Плиехали!

Поворачиваю и вижу обшарпанное двухэтажное здание с вывеской «Бизнес-центр "Прогресс"». Хотя судя по виду,

прогресс тут разве что в названии и случился он в последний раз еще при царе Горохе.

И тут до меня доходит.

Это же тот самый адрес, что я забивал в навигатор полчасика назад! Адрес конторы “Взлет”, которая мне бизнес-план должна, а потом бессовестно кинула!

Таких совпадений не бывает. Точнее, не должно быть. Но вселенная сегодня явно решила поиздеваться над Марком Суворовым по полной программе.

– Ты уверена, что сюда? – спрашиваю, хотя уже знаю ответ.

– Конесно! Мама тут плоблемы лешает. Каздый день лешает, их тут много!

Выхожу из машины с ощущением, что реальность окончательно сошла с рельсов. Открываю дверь Соне, и та выпрыгивает, подхватывая рюкзак с притихшим Мурзиком.

– Пошли, я тебя с мамой познакомлю! – она хватает меня за руку и тащит к обшарпанному крыльцу. – Она классная, только устает сильно. И плачет иногда. Но я ей сосиски плиносу и она улыбается!

Покорно топаю за мелкой. Мы поднимаемся на второй этаж по бетонной лестнице и оказываемся в длинном коридоре с рядами офисов. Большая часть из них пустые, на дверях висят бумажные объявления о сдаче в аренду. Судя по всему, “Прогресс” медленно но верно загибается.

И тут я вижу табличку, на которой написано “Взлет”, и

направляемся мы с Соней именно к ней.

Из-за неплотно прикрытой двери доносится женский голос, уставший, но с упрямыми нотками:

– Я вас понимаю, правда, и мне безумно стыдно, но я не знаю, что еще сказать! Мой бизнес-партнер меня подставил, даже если бы я хотела...

Не успеваю я ничего сообразить, как Соня вырывает руку и влетает в кабинет с победным воплем:

– Мама!! Я инвестола нашла!!

Захожу следом и останавливаюсь на пороге, неторопливо обводя помещение цепким взглядом. В небольшом кабинете свежий ремонт, но сейчас вокруг царит бедлам из-за того, что стол завален бумагами.

Взгляд цепляется за копну рыжих волос и что-то внутри обрывается. Отстранив телефон от уха, женщина с растерянностью смотрит на меня. Те же зеленые глаза, что и у Сони, россыпь веснушек на лице и до боли знакомые пухлые губы.

Твою мать...

Лена.

Шесть лет я пытался вычеркнуть ее из памяти после того, как она исчезла, испарилась из моей жизни без единого слова, оставив после себя лишь короткую записку с издевательским "Так будет лучше".

Вот почему мне показалось, что где-то я уже видел Соню. Это ее дочь, ее маленькая копия.

Внутри неприятно царапает. Значит, она успела и мужем,

и ребенком обзавестись?

Лена бледнеет, переводит взгляд с меня на Соню и обратно.

– Мама, не кипятись! – вещает мелкая террористка, явно довольная произведенным эффектом. – Это дядя Малк! Он тозе клутой луководитель, как ты, тозе всякие воплосы лешает! И он сказал, что поговолит с тем злым дулаком, из-за котолого ты плачешь! Мы с Мулзиком ему по пломокоду “Дядя-Злюка” пелвую доставку сосисок офолмили!

Лена наконец сбрасывает вызов и сглотнув, растерянно выдыхает:

– Марк? Как ты...

– Я его чуть масыной не сбила! – гордо заявляет Соня. – Но тепель он в доле! Будет сосиски возить, у него глаулоподъемность холосая!

Глава 3

Марк

В глазах Лены читается неприкрытая паника. Что, неужели так стыдно бывшего встретить, которого сама же и кинула, даже не удостоив объяснениями?

Возникшую тишину нарушает Соня. Слишком она маленькая еще, чтобы заметить, что сгустившийся в комнате воздух мной и ее матерью можно ножом резать.

– Мама, ну что ты молчис? Ласкажи ему все пло того плохого дулака! – требует бандитка, дергая Лену за рукав. – Дядя Малк такой клутой, он на него наолёт глoзным голосом и накажет! Заставит в угол встать или манную кашу есть с комочками, фуууу!

Соня мило морщит покрытый веснушками нос с таким отвращением, что я невольно хмыкаю. Да уж, манная каша с комочками это, считай, высшая мера. Сам в детстве ее ненавидел.

Лена нервно комкает попавшийся под руку листок бумаги. Я прямо вижу, как у нее в голове бешено крутятся шестеренки. Пытается сообразить, что делать.

А мне-то какая разница, что она скажет? Шесть лет жизни утекло.

Как же я был зол, когда нашел ту дурацкую записку! Землю носом рыл, пытаюсь Маркову отыскать, чтобы объясни-

лась, сказала причину, по которой бросила. Я ведь кольцо приготовил уже помолвочное, бегал за ней, как пацан...

Выжгла ты мне всю душу, Леночка. Так что выбросил я кольцо и вычеркнул тебя из жизни. Раз решила за нас обоих, значит теперь ты мне никто. Бабы все одинаковые, так что вас разве что по назначению пользоваться, другого не заслуживаете.

Лена наконец берет себя в руки и старательно улыбается дочери.

– Соня, давай про дядю поговорим потом, ладно? А сейчас у тебя важное задание. От этого зависит будущее вашего стартапа!

Она хватает с полки несколько листов бумаги и коробку цветных карандашей, сует дочери в руки.

– Дяде-инвестору срочно нужен логотип для сосисочной компании! Красивый, яркий, чтобы все коты сразу поняли: только тут нужно сосиски заказывать! Иди в соседний кабинет, там стол свободный. Это сверхсекретная миссия, поняла? Никто не должен мешать!

Соня мгновенно надувается от важности и кивает:

– Поняла! Свелхсеклетно! Мулзик, пошли, у нас лабота!

Малявка хватает бумагу, карандаши и рюкзачок с котенком. Бросает на меня деловитый взгляд, мол, все будет сделано в лучшем виде. Пыхтя от усердия, Соня скрывается за дверью, ведущую в соседнюю комнату.

Как только за дочкой закрывается дверь, улыбка тут же

сползает с лица Лены. Она тяжело опирается руками о разделяющий нас стол, и смотрит на меня исподлобья.

Несколько секунд мы стоим вот так, глядя друг другу в глаза. И в голове пусто. Когда-то я думал о том, что выскажу предательнице, какие слова скажу, а теперь все они вылетели из головы.

Ловлю себя на том, что просто завис, пялясь на губы Лены, которые когда-то знал наизусть. Нахмурившись, заставляю сбросить с себя наваждение и вдруг замечаю, что Маркова мелко дрожит.

А вот это открытие уже неприятно укалывает. И бесит, да. Она что, меня боится? Серьезно?

– Так, – делаю шаг к столу, заставляя себя говорить спокойно. – Давай к делу. Мой помощник Павел ведь передал мои условия? Бизнес-план должен быть у меня сегодня, иначе никаких инвестиций. Я очень не люблю, когда меня кидают, Лена.

Черт, прозвучало двусмысленно. И, кажется, чересчур грозно. Но тут уж поделать ничего не могу, я привык в бизнесе продавливать даже самых нелояльных на свои условия.

Так уж повелось, что все партнеры и конкуренты, что мне попадались, были мужчинами, так что особо цацкаться не приходилось. А тут еще разревётся, не дай бог...

А я очень не хотел, чтобы Лена разревелась.

Хотя какого черта?! Никаких поблажек ей не будет! Раз пришла в бизнес, не жди особого отношения!

Лена вздрагивает от моих слов и отводит глаза в сторону. Придвигает к себе офисный стул и устало опускается в него. Тени под глазами залегли, наверняка не спала всю ночь.

Так, Суворов! Что за дичь пошла, успокойся!

– Это не моя вина, Марк, – тихо оправдывается Лена. – Я знаю, это как глупая отговорка звучит, но это правда так. Мой бизнес-партнер, Стас... он сегодня утром исчез. И деньги все пропали. И из сейфа, и с расчетных счетов...

Никакой жалости! Суворов, ты понял меня?! Ты бизнесмен, мать его или...

Но вместо того, чтобы вести себя как тот самый бизнесмен, я мрачнею. Сощурившись, окидываю Лену тяжелым взглядом и вкрадчиво интересуюсь:

– Стас? Что за Стас?

Маркова растерянно моргает.

– Я же сказала, бизнес-партнер...

– А этот бизнес... он насколько партнер, м? – не могу сдержать ядовитый тон.

Да что с тобой происходит, Суворов?! Нахрена тебе вообще это знать? Ты сюда за бизнес-планом приехал или узнавать, как дела на личном фронте у бывшей?!

Глава 4

Лена несколько секунд смотрит на меня непонимающе, а потом до нее доходит и в глазах вспыхивает что-то похожее на возмущение. Маркова выпрямляет спину, подбородок тоже гордо взлетает выше.

Ага. Вот она, та Лена, которую я помню. Огонь в глазах, фурия такая, что искры летят.

– Ты сейчас серьезно? – голос у нее звенит от едва сдерживаемой злости. – Я тебе про украденные деньги рассказываю, а ты допрос устраиваешь, с кем я сплю?

Формулировочка бьет под дых. Прямо вижу картинку, как какой-то Стас...

– А что, есть о чем рассказать? – цежу сквозь зубы, хотя прекрасно понимаю, что веду себя как идиот.

Лена вскакивает со стула так резко, что тот с грохотом откатывается назад и шарахается спинкой о шкаф.

– Знаешь что, Суворов?! Шесть лет прошло! Шесть! Тебе какое дело до моей личной жизни?!

– А мне и нет дела, – чеканю, скрестив руки на груди. – Просто интересуюсь, насколько глубоко ты влипла. Может этот твой Стасик тебя с самого начала охмурил, лапши навешал на уши про неземную любовь, а когда в доверие втерся, все деньги на свои счета слил и испарился. Классическая схема, между прочим.

Щеки Лены заливает румянец. То ли от злости, то ли от смущения, не пойму.

– Стас мне никто! Только партнер по бизнесу! Бывший партнер, – она почти выплевывает слова, глядя на меня, как на врага народа. – Если ты приехал сюда, чтобы меня унижать, можешь разворачиваться и проваливать куда подальше! Я найду другого инвестора!

Хмыкаю и с иронией развожу руками:

– Да неужели? А тут, как я посмотрю, прямо очередь инвесторов толпится, и все хотят вручить деньги дамочке, у которой их как раз со счетов увели. Ты хоть помещение побольше сними, а то бабки щас камазами подвозить начнут, замучаешься разгружать.

Лена поджимает дрогнувшие губы и я понимаю, что перегнул. Ей и так сейчас паршиво, а тут я со своими шуточками.

А с другой стороны сама виновата! Нечего меня Стасами непонятными драконить.

Весь запал Лены сдувается, словно воздух из шарика выпустили. Подвинув назад стул, она снова в него опускается и трет виски пальцами. А потом смотрит на меня снизу вверх. Таким обреченным и полным безысходности взглядом, что я на пару секунд задумываюсь, где арендовать камаз, чтобы забить его бабками и отгрузить их потом в этом задрипанном офисе.

– Стас, он... в общем, он не просто деньги украл. Он еще и кредитов понабрал у сомнительных личностей. На фирму.

На меня, фактически, потому что я генеральный директор, а он был просто соучредителем. Он даже технику из офиса увел и ноутбук рабочий, где бизнес-план твой был. Я пыталась зайти в рабочее облако с телефона, но он просто заблокировал мне везде доступ...

Лена замолкает и я молчу тоже. Перевариваю. Как-то почесать мне уже на бизнес-план. Вместо этого задаю более насущный вопрос:

– И сколько этот Стасик-пидо... кхм-кхм... сколько он долгов набрал?

– Много.

– Лена. Сколько?

Она поднимает на меня глаза, такие же зеленые, как у Со-ни, и в них плещется неподдельный страх

– Тринадцать миллионов. Под залог квартиры, в которой мы с Соней живем.

Складываю руки на груди и окидываю Лену хмурым взглядом. Так и подмывает спросить, какого хрена она в это вляпалась?

– Под залог квартиры кредит выдают, если только сам собственник согласен и этот самый кредит оформляет на себя. Выходит, ты сама для Стасика деньги в кредит взяла?

Лена мотает головой отрицательно.

– Он не у банка взял, Марк. Я сама про кредиты узнала только сегодня утром, когда коллекторы позвонили.

– Коллекторы?

– Ну, они так себя назвали. Хотя больше на бандитов похожи были по голосу. Ну и по угрозам...

Она криво улыбается без намека даже на каплю веселья.

– Так что видишь, Суворов, мне сейчас не до выяснений, кто кого шесть лет назад бросил. У меня ровно неделя, чтобы найти эти тринадцать миллионов или мы с Соней окажемся на улице. Если, конечно, чего похуже не сделают, потому что квартира у меня не особо дорогая...

После разговора с бывшей злость куда-то испаряется, а на ее место приползает что-то мерзкое и ноющее. Что-то подозрительно похожее на беспокойство.

Соня, эта мелкая рыжая бестия, которая полчаса назад чуть не влетела мне под колеса со своими сосисками и котом-интровертом, может оказаться на улице. И Лена... влипла она по полной, что, если ей и правда грозит опасность?

Нет, стоп! Это не мои проблемы. У меня своих дел по горло. Я не благотворительный фонд, не рыцарь в сияющих доспехах. Тем более для женщины, которая меня кинула, не удостоив объяснениями. Мы чужие и точка.

– Что молчишь? – Лена смотрит на меня снизу вверх. – Можешь не переживать, я от тебя ничего не прошу, просто обрисовываю ситуацию. Бизнес-плана нет, денег нет, и скорее всего, через неделю этого офиса тоже не будет. Всё, свободен. Прости, что потратила твое драгоценное время.

В голосе сквозит злая ирония, но я-то знаю Лену, как облупленную, хоть и шесть лет с расставания прошло. Вся эта

бравата напускная, она напугана и не знает, что делать.

Так, все, Суворов, без подвигов! Я так-то антигерой, черствый и злой. Уж точно не сочувствующий бывшим.

Разворачиваюсь к двери. Надо уходить. Прямо сейчас, пока я не наделал глупостей.

И тут из соседней комнаты раздается радостный вопль:

– Мама!! Логотип готов! Тут сосиска с глазками и Мулзик в колонне! Очень классный получился!

Дверь распахивается и в кабинет влетает Соня. В руках лист бумаги с чем-то ярко-розовым и оранжевым.

– Дядя Малк! – мелкая бежит ко мне, размахивая рисунком. – Смотри! Тебе понлавится!

Она останавливается рядом и, задрав голову, сияет вся, протягивая мне рисунок. На бумаге нарисована кривоватая сосиска с глазами в разные стороны и полусумасшедшей улыбкой. Рядом с этой бешеной сарделькой старательно нарисована усатая черная клякса, видимо это и есть Мурзик. А сверху корявыми буквами выведено: “САСИСКИ ДЛЯ КА-ТОФ”.

И почему-то именно этот глупый детский рисунок становится последним гвоздем в крышку моего гроба.

Опускаюсь на корточки, чтобы быть с Соней на одном уровне, и говорю хрипло:

– Отличный логотип. Любой кот сразу поймет, что тут лучшие сосиски.

Соня радостно подпрыгивает, хлопая в ладошки.

– Плавда?! Значит, ты тепель точно инвестол?!

Поднимаю глаза на отчего-то притихшую Лену, которая глаз с нас не сводит. Вся бледная, губы сжаты в тонкую линию, дрожит.

В голове проносятся ее слова: тринадцать миллионов. Неделя. Соня и Лена на улице.

Черт, черт, черт, Суворов, ну у тебя что, дел мало? Ты что, благотворительный фонд для непутевых бывших? Катьсь себе отсюда на своем майбахе собственным бизнесом заниматься.

Но вместо этого я выпрямляюсь и говорю Лене:

– Знаешь, что? Пожалуй, наш разговор еще не окончен.

Глава 5

Лена смотрит на меня так, будто я только что заявил, что прилетел с Марса.

– В смысле не окончен? – переспрашивает она осторожно. – Марк, я же сказала, бизнес-плана нет. Мне нечего тебе предложить.

– Мама, дядя Малк же лешает бизнес-воплосы! И план тоже сможет сделать, да же? – Соня задирает голову на меня и кивает, мол, сейчас я все тут улажу. – Он холосый! И ему логотип понлавился!

Лена бросает на дочь какой-то уж чересчур затравленный взгляд, потом переводит его снова на меня.

– Соня, солнышко, – Лена подходит к дочке и присаживается перед ней, – иди пока порисуй еще, ладно? Нам с дядей Марком надо поговорить о взрослых скучных вещах.

– Пло денюски?

– Да, про денюшки.

Соня тяжело вздыхает с видом человека, которого вечно отстраняют от важных решений.

– Ладно, – соглашается она неохотно. – Но если что, мама, у меня тоже есть бизнес-план! И Мулзик его одобрил!

Она разворачивается и топает обратно в соседнюю комнату, бормоча под нос что-то про “опять эти взлослые дулацкие секлеты”. Дверь за Соней закрывается и мы снова оста-

емся одни.

Лена выпрямляется и скрещивает руки на груди. Защитная поза, классика.

– Ну? – спрашивает она с вызовом. – И о чем ты хочешь поговорить? Будешь дальше допрашивать про Стаса или сразу перейдешь к нотациям, какая я дура, что влипла в такое?

– Ты дура, – соглашаюсь я.

Лена вспыхивает, но я вскидываю руки:

– Прости, но это правда. Ты дура, что связалась с мутным типом, который насобирав денег в долг у сомнительных личностей. Ты его что, в подворотне этого Статика нашла? Не в курсе, что в партнеры только надежных людей берут, с которыми уже знакомы?

– Да? А я-то не знала! – всплескивает руками Лена и зло рывкает: – Это мой родственник! Брат двоюродный. Достаточное знакомство или как?

О, а вот это уже полезная информация. И искать этого Стасика будет проще, и теперь точно знаю, что никакой это не Ленкин ухажер. Делу, конечно, это не поможет, но даже на душе приятнее от этого знания.

– Ну ладно-ладно, не злись, – подобрев, говорю миролюбиво. – Прости, что назвал дурой. Давай лучше думать, как мы будем все это дерьмо разгребать.

Лена окидывает меня растерянным взглядом, почти ментально перестав злиться.

– Мы? Разгребать? – повторяет она и фыркает. – Суворов,

ты издеваешься? Пять минут назад ты мне чуть в лицо не плюнул, а теперь помогать собрался? С чего вдруг?

Справедливое замечание. Тем более, что я и сам не понимаю, что на меня нашло и чего я вдруг стал добрый такой.

– Считай это деловым интересом, – говорю как можно равнодушнее. – Я собирался инвестировать в твою фирму, время потратил на поиски проекта. Если ты забыла, мы целый конкурс объявляли на лучший бизнес-проект, я спецов привлекал из своей фирмы на изучение каждого. А раз твой победил, значит, ничто мне не мешает вложить в него инвестиции.

Лена качает головой и с горечью улыбается:

– Какие инвестиции, Марк? Фирмы больше нет, Стас все угробил.

– Фирма это бумажки. Идея, наработки, это важнее. Бумажки новые можно оформить.

– У меня нет команды. Были я и Стас, мы бизнес-план не один день разрабатывали, стратегии просчитывали, расчеты делали. Людей со стороны привлекали, бухгалтера. Это ведь не документ, который на коленке сделать можно для галочки. Теперь только я осталась и я...

– Почему только ты? Еще Соня, – прервав, добавляю я.

Лена вздрагивает. Едва заметно, но я улавливаю, как она напрягается, как появляются хмурые складки на переносице. Ее так нервирует, что я упоминаю Соню? Или просто ищет подвох в моих словах и действиях?

– Зачем тебе это? – спрашивает она, глядя на меня исподлобья. – Только честно, Марк. Мы оба знаем, что ты не благодетель. Только не надо врать, что в тебе вдруг проснулось желание помочь из-за того, что мы бывшие. Ты меня ненавидишь, я в это никогда не поверю.

На самом деле Лена задает хороший вопрос. Даже слишком хороший. Только ответа я на него и сам не знаю.

В принципе, можно соврать. Сказать про деловой расчет, про перспективы, но я ляпаю первое, что приходит в голову: – Из-за Сони.

Лицо Лены медленно вытягивается и меняет цвет с розоватого на бледное. Да что она, в самом деле, так реагирует? Я просто помочь хочу, чтобы она с ребенком на улице не осталась!

– Что? А Соня тут причем?

– Ну она боевая девчонка, – пожимаю плечами, стараясь говорить небрежно и не показывать, что реакция Лены меня как-то зацепила. – Деловая хватка, креативный подход, навыки продаж. Сосиски мне впарить успела за пять минут знакомства. Акула бизнеса растет, жалко будет, если такой талант на улице окажется. Да и тебе тоже мало понравится жить в коробке, верно?

Стараюсь пошутить, чтобы разрядить обстановку, но Лена как каменная. Гулко сглатывает, бегают глазами по помещению, а на лбу у нее бешено бьется жилка.

– Марк, послушай... – начинает она, подбирая слова. – Я

очень ценю, что ты так помочь хочешь, но... не надо. Правда, не надо. Мы справимся сами.

У меня брови вверх ползут.

– Сами? С тринадцатью миллионами долга, которые за неделю собрать надо? Не припомню что-то, чтобы у тебя родители Рокфеллерами были.

Сверкнув глазами, Лена упрямо цедит сквозь зубы:

– Ничего, я девочка самостоятельная, что-нибудь придумаю.

– Что, например? – раздраженно уточняю. – Продашь почку? Одной, кстати, не хватит, придется от обеих избавиться.

– Это не твое дело, Суворов! Я сказала, что справлюсь. Твоя помощь мне не нужна.

А вот теперь я начинаю по-настоящему злиться. Какого черта? Я тут пытаюсь помочь, а она упирается как баран!

– Да что с тобой не так?! – рявкаю, не сдержавшись. – Тебе протягивают руку, а ты ее отталкиваешь! Это гордость такая? Если ты когда-то сама меня кинула, то это не значит, что я не могу помочь тебе в трудной ситуации!

Лена молча буравит меня взглядом, как врага народа. Честное слово, как будто я лично у нее эти тринадцать миллионов вынес!

Что-то здесь не так. Очень сильно не так.

Глава 6

– Ладно, – рвано выдохнув, решаю пойти на компромисс.
– Не хочешь объяснять, не надо. Но мою помощь ты при-
мешь. Хотя бы ради дочери.

Лена вскидывает голову, и в глазах вспыхивает что-то ди-
кое, будто у зверя, которого загнали в угол.

– Ради дочери?! – сорвавшись, восклицает она. – Ты во-
обще о чем?! Какое тебе дело до моей дочери?!

– Нормальное человеческое, представь себе.

– Человеческое?! – Лена смеется, но в глазах ничего, кро-
ме злости и давней очень большой обиды. – Это в тебе-то че-
ловеческое?! Да у тебя люди как расходный материал всегда
были, бизнесмен чертов!

Ого. Вот это поворот.

– Что, прости?

– Не надо тут прикидываться таким сердобольным доб-
рячком! У тебя весь мир крутится вокруг твоей гребаной
фирмы! Не дай бог ты папашу своего драгоценного расстро-
ишь, что тогда?

Стискиваю зубы и смотрю на Лену уже без намека на ве-
селость.

– Причем здесь мой отец?

– Да при том! Насмотрелась я на вашу семейку и на то,
как твой папаша обращался с твоей матерью. Да и с тобой

он себя как робот вел всегда. А ты... ты же такой же, как он! Яблоко от яблони, знаешь...

Ее слова неожиданно бьют сильнее, чем я ожидал.

– Я не мой отец! – рычу, делая шаг ближе.

Лена смеется и качает головой.

– Правда? А мне кажется, очень похож! Вот сейчас, например. Ты всегда так со мной и общался, одними приказами, как с дрессированной собачкой. Поинтересоваться моим мнением? Нет, конечно, зачем? Даже сейчас выбора мне не даешь!

– Я же пытаюсь тебе помочь, глупая!

– Да не нужна мне твоя помощь! – восклицает Лена со злой усталостью. – Мне вообще ничего от тебя не нужно! Шесть лет без тебя жила и еще шестьдесят проживу! Вали отсюда, Суворов. Никакого бизнес-плана нет, а значит и сотрудничества никакого не будет. Все, точка, оставь нас в покое!

Маркова отворачивается резко. Мне хочется посмотреть ей в глаза, заставить развернуться, но я сейчас слишком зол. Кровь внутри кипит, а я знаю свой характер – в таком состоянии только дров еще больше наломаю.

– Ладно, Лена. Как скажешь, – цежу холодно. – Хочешь утонуть в этом дерьме сама? Тони. Не буду мешать.

Разворачиваюсь и, печатая шаг, направляюсь к двери. Какая же она упрямая и невыносимая! За эти шесть лет только еще несноснее стала!

Выхожу, хлопнув напоследок дверь. По-детски, конечно, но хоть так хочется зло выместить. Не орать же на Ленку, мать ее.

Надо просто убратъся подальше от этого задрипанного офиса и забыть об этой встрече, как о дурном сне. Хочет сама проблемы решать, самостоятельная вся такая – так вперед! Важная же стала, фирму открывала!

На улице останавливаюсь и делаю глубокий вдох, потом еще один. Пытаюсь успокоиться, но получается плохо.

Это я, значит, такой же, как мой отец?!

Чуть зубами не скрежещу, вспоминая эти слова Лены. Это сравнение задевает даже больше всего остального, потому что меньше всего я всегда хотел походить на него. И считал, что у меня отлично получается.

Сажусь в машину и газую так, что покрышки визжат. Вылетаю с узкой парковки, напугав того самого рыжего кота, греющегося на солнышке у лужи. Он быстро улепетывает в кусты подальше с глаз.

Вот и правильно, сегодня дядя Марк не в духе и лучше его лишний раз не злить.

Телефон в кармане вибрирует. Достая его и смотрю на экран. Звонит Павел, мой помощник.

– Что? – сходу спрашиваю, беря трубку.

– Марк Семенович, напоминаю вам про встречу с японцами через час. Если вы опоздаете, нам задержать их пока? Может обед в ресторане им организовать?

Торможу у обочины и массирую переносицу пальцами.

– Отмени.

В трубке гробовое молчание. Наверное Павел подумал, что ослышался, ведь чтобы я и встречи отменял? Бизнес же для меня всегда на первом месте, чтоб его.

– Марк Семенович, не расслышал, перенести? – переспрашивает помощник.

– Павел, я сказал: отмени. Или мне повторить по слогам?

Пауза.

– Понял, Марк Семенович. Сделаю.

– И еще кое-что.

– Слушаю.

– Мне нужна информация по той самой фирме, что конкурс у нас выиграла. Ну та, что бизнес-план не предоставила. Конкретно по совладельцу, Стасу... – замолкаю, потому что спросить фамилию и отчество я как-то забыл, не до того было. – Короче, давай и по владелице тоже. Маркова Елена, а этот Стас ее брат. Вообще все давай по Марковой, чем она последние шесть лет занималась. И пошустрее.

Сбрасываю звонок и откидываюсь затылком на подголовник.

От помощи Лена гордо отказалась, да я и помогать не собираюсь. Так, гляну одним глазком. Ну разве что Стасика найду и пару раз мордой об асфальт приложу, чтобы знал, как сестер с долгами кидать. Ну и так, по мелочи. Сильно вникать не буду, я ж злой и недоговороспособный, как мой

папаша.

Шарахаю рукой по рулю. Задела же за живое, зараза. Столько лет не виделись, а все равно знает, куда ударить, чтоб побольнее. Ну ничего, Лена, меня так просто не проймешь. Все равно узнаю, почему вдруг ты от моей помощи отказалась и что от меня скрываешь. Потому что чутье мне подсказывает, что дело тут точно нечисто.

Глава 7

Лена

Суворов с такой силой грохает дверью, что я втягиваю голову в плечи и зажимаюсь на всякий случай. Кажется, что на меня сейчас потолок рухнет, но нет. Разве что со стены рамка с сертификатом о регистрации фирмы падает и в ней разбивается стекло. Даже символичненько как-то.

Ушел...

Ну и правильно, так и надо. Именно этого я и добивалась, разве нет? Но на душе полный раздраз.

Ноги подкашиваются и я без сил падаю в офисное кресло. Кто бы мог подумать, что спустя шесть лет именно Марк Суворов, моя бывшая любовь, станет именно тем инвестором, кто захочет вложиться в мою фирму. Будто мало людей в этом огромном городе!

Я всегда считала, что у нас мизерный шанс снова встретиться. Особенно после того, как четыре года я жила не в Москве, а в маленьком городке. И переехала я с одной простой целью: чтобы не нашел...

Я когда возвращалась назад, думала, мол, тут же миллионы людей, а мы с Марком возвращаемся в слишком разных мирах. У него бизнес-центр в элитном районе, а я в захудалом полупустом ТЦ офис снимаю. Вероятность встречи минимальная! Как вообще возможно, что мы вот так столкну-

лись??

Не знаю, что теперь делать. Марк ведь хотел помочь. Искренне хотел, я же видела. Шесть лет прошло, а я все еще читаю его, как открытую книгу. Злился, да, бесился, но за всей этой злостью пряталось что-то другое. Что-то, от чего у меня сердце в груди заходило, а я его прогнала... еще и гадостей наговорила, сравнила с отцом...

При воспоминании о Суворове-старшем меня передергивает. Вот уж кого я точно не хотела бы видеть снова. Ни в этой жизни, ни в следующей.

Закрываю глаза и против воли память услужливо подбрасывает тот самый день шесть лет назад, когда все полетело в тартарары.

Я тогда летела к Марку на крыльях. Буквально порхала по улице, сжимая ручку сумки, в которой лежала подарочная коробочка с тестом с двумя полосками. Беременна! Как же я была счастлива! Знала, что Марк тот самый. Единственный.

И пусть мы не планировали ребенка так рано, я была уверена, что Суворов обрадуется новости. Он ведь говорил, что хочет большую семью. Еще и гибель его матери три года назад наложила свой отпечаток и он всегда был угрюмым. Я надеялась, что новость даст ему почувствовать себя счастливым.

Но до Марка в тот день я так и не дошла. Дверь квартиры вместо него открыл Семен Петрович Суворов, его отец. До этого мы сталкивались случайно всего раз и его хватило

понять, почему Марк так не хотел нас знакомить. Даже в то короткое мгновение Семен Петрович смотрел на меня с таким выражением лица, будто я таракан, случайно заползший на его идеально начищенные ботинки.

– Марка здесь нет. Но ты проходи, поговорим, – даже сейчас голос Суворова-старшего звучал с пренебрежением.

Я до сих пор помню тот холод в глазах, когда Семен Петрович вдруг завел речь о моем младшем брате Денисе. За неделю до этого на него напали какие-то гопники толпой прямо у подъезда и сильно избили. Мой брат тогда сильно пострадал, заработал сложный перелом руки и сотрясение.

– Несчастный случай, – говорил Семен Петрович, не отрывая от меня своего ледяного взгляда. – С кем не бывает. Молодежь сейчас жестокая.

А потом добавил весомо:

– Рука это пустяки. Срастется. А вот некоторые вещи ломаются навсегда. Я хочу, чтобы мой сын был с женщиной своего круга. Надеюсь, ты меня поняла.

Угроза была даже не завуалированной, он почти напрямую это сказал. И хоть Семен Петрович не произнес вслух, что нападение на Дениса его рук дело, это было очевидно.

– Марк мой наследник, будущий глава корпорации. Ему нужна правильная жена из правильной семьи. А не... такая, как ты, – выплюнул он почти как оскорбление. – И будь умницей. Если об этом разговоре узнает Марк... кто знает, что может случиться. Жизнь непредсказуемая штука, деточка.

В тот момент больше всего я боялась, что Суворов старший уже знает о беременности.

Конечно я испугалась. Не за себя. За Дениса, за родителей, за ту крошечную, еще не рожденную жизнь внутри меня, которую этот жестокий человек мог сломать так же легко, как руку моего брата.

В тот же вечер я написала записку. “Так будет лучше”. Те самые три слова, за которые Марк меня возненавидел.

И я исчезла. Сменила номер, уехала в другой город. Лишь спустя несколько лет решила вернуться в Москву и затеряться в ней. Город ведь большой. И все это я сделала, чтобы защитить Соню, мою дочь.

Его дочь.

Открываю глаза и обнаруживаю, что по щекам текут слезы. Вот черт... шесть лет прошло, а до сих пор плачу, как дурочка.

– Мама?

Вздрагиваю и поднимаю голову. В дверях стоит Соня, прижимая к груди пару листочков с рисунками, и смотрит на меня своими огромными зелеными глазами.

Господи, как же она на Марка в детстве похожа! Хорошо, что он, глупый, не понял. Наверняка считает, что я предала его, сбежала и родила от другого. Вот и правильно, пусть так и будет. Главное, здесь пусть больше не появляется.

– Мама, ты плачешь? – рыжие бровки ползут вверх и она торопливо подбегает ко мне. – Это из-за дяди Малка? Он

тебя обидел?

Я заставляю себя улыбнуться через силу и поспешно вытираю слезы.

– Нет, солнышко. Просто... пыль в глаз попала.

– В оба глаза слазу? – Соня скептически щурится. Вот ведь, не проведешь эту лису хитрую.

– Тут пыльно очень. Давно уборку не делала.

Соня молча смотрит на меня еще пару секунд, а потом решительно кивает.

– Мама, я не маленькая, я все понимаю!

– Что понимаешь, зайка?

– Что ты плачешь из-за денюшек и плохого дяди, котолый их уклал, – вздыхает Соня грустно и достает из кармашка платья помятую сосиску. – Вот, мама, возьми, у меня еще одна осталась. Она вкусная, а от вкусного поднимается настроение.

Сердце сжимается от нежности и я сажаю ее на коленки и крепко обнимаю. Что бы я делала без моей дочурки? Она мое самое главное сокровище и радость в жизни.

– Спасибо, солнышко, – чмокаю Сонечку в щеку, – но сосиску лучше сама съешь, ладно? Или Мурзику отдай.

– Мулзик уже две слопал, – вздыхает Соня. – Он тепель спит. Объевся.

На душе становится хоть немного светлее. Ладно, ничего, прорвемся. Главное, что дочка рядом, а там что-нибудь придумаю.

– Мама, а дядя Злюка что, совсем ушел? – погрустнев, спрашивает Соня, заглядывая в глаза. – Он ведь даже на мои рисунки не посмотрел.

Замираю, не зная, что ответить сначала. Кажется жестоким вот так взять и сказать, что Марк больше не вернется. Он не должен возвращаться, чтобы у нас все было хорошо, пусть даже и сердце сжимает от этой мысли.

– Он... у него были другие дела, – выдавливаю я вслух.

Соня тяжело вздыхает и качает головой.

– Эти ваши взлослые дела меня до белого каления доведут!

– Ты стала разговаривать, как бабушка, – смеюсь я, вспоминая ворчание моей мамы. Все интересное Соня точно запомнит и потом выдаст.

– Бабуля плохого не посоветует! – важно цитирует Соня очередную фразу бабушки и протягивает мне рисунки. – Смотри, я дяде Малку еще столько всего нарисовала! Вот, это план лазвития бизнеса! – она тычет пальцем в лист, где кривыми линиями изображено что-то похожее на карту с сосисками вместо городов. – А это Мулзик на масыне, котолая возит сосиски! У дяди Малка как лаз клутая, блестяся вся! А это мы все вместе: ты, я, Мулзик и дядя Малк!

Сердце пропускает удар. На рисунке четыре фигурки держатся за руки. В большом хмуром человечке легко угадывается Суворов, а рядом я, Соня и черная клякса с усами.

– Солнышко... – голос предательски дрожит.

– А завтра он приедет? Приедет? Он еще должен побить того злого дядю!

Я откладываю рисунки и поправляю хвостик дочери. Стараюсь улыбаться и бодро киваю:

– Конечно, солнышко. Если у него не будет других важных дел, он обязательно приедет.

Но внутренний голос кричит, что лучше бы Марк больше никогда не появлялся в нашей жизни. Так будет безопаснее.

Я до смерти боюсь, что Марк или, что еще хуже, его отец узнают о Соне. Семен Петрович до сих пор не в курсе, что у него есть внучка и пусть так и останется. Я должна защитить мое маленькое сокровище любой ценой.

Соня надувает губы.

– Но он же обещал, что лазбелется с тем злым дулаком! Ну мааам!

– Ничего, зайка, мы и сами разберемся, да? Лучше пойдем-ка собираться домой. Мама с работой уже закончила.

Соня тяжело вздыхает с видом человека, на которого взвалили все тяготы мира. Бережно складывает рисунки и прижимает их к груди.

– Ладно, я их пока убелу, а когда дела у него закончатся, слазу покажу! И еще новых нарисую!

Я собираю наши вещи, стараясь не думать о том, что ждет нас завтра. Денег нет, бизнеса теперь тоже нет. Зато есть долги перед людьми, которые не станут слушать оправдания. И мы с дочкой на грани того, чтобы и нашей небольшой квар-

тирки лишиться...

Когда выходим из офиса на улицу, Соня продолжает весело болтать без умолку:

– Мама, когда дядя Малк приедет, я его поплосу, чтобы он и тебя на своей масыне покатал! Она у него лычит так громко: л-л-л! – изображает дочка, пытаясь рычать. – Мы столько сосисок на ней увезем! И денюшки появятся, вот увидишь! Плавда, Мулзик?

Она заглядывает в рюкзачок, который я несу в другой руке, и котенок отвечает мяуканьем, услышав свое имя.

Я киваю с улыбкой, а у самой на душе паршиво. Мне нехорошо от мысли, что Суворов теперь знает, где я работаю и сможет меня найти снова, если захочет...

И что, если он копнет глубже? Что если узнает про Соню? Но, хуже всего, что будет, если о ней узнает его отец?

Глава 8

Лена

Вечерний полумрак окутывает город, а в нашей с Соней маленькой квартирке уютно и тепло. Жилье мне удалось купить на сбережения от зарплаты, плюс помогли родители деньгами от продажи бабушкиной квартиры. Разделили их между мной и братом по-честному.

Я безумно радовалась появлению своего угла. Пусть маленькая, пусть старенькая, но своя крыша над головой вселяла хоть какую-то уверенность, что не придется с дочкой мыкаться по чужим углам. У родителей ведь тоже квартира небольшая, не хочется стеснять их на старости лет. Да и стыдно. Я наоборот, помогать им должна, а не свои проблемы навешивать.

Я стою у плиты, помешивая макароны, и грустно размышляю о том, что даже этот безопасный маленький уголок теперь под угрозой. Стас обещал золотые горы, показывал свои счета с баснословными суммами, да и родственники все знали, что он уже несколько бизнесов продал и хорошо заработал. Теперь понятно, как он там зарабатывал – обманывая людей.

Соня за столом старательно раскрашивает очередной шедевр. Хотя бы дочка отвлекает от невеселых мыслей о том, как теперь разбираться во всей этой ситуации. Мурзик у нее

под ногами мурлычет, как маленький трактор.

– Мама, смотли! – Соня поднимает листок. – Это наш офис, только новый! Видис, тут окна больсые и вывеска блестяся!

На рисунке красуется кривоватый домик с огромной вывеской “САСИСКИ ДЛЯ КАТОФ” и почему-то с пальмой у входа.

– А пальма зачем? – улыбаюсь я, выключая плиту.

– Для класоты! Клиенты любят класоту, – авторитетно заявляет Соня. – Мне дядя в интелнете сказал.

– Какой дядя?

– Ну, котолый пло бизнес лассказывает. Бабуля включала. Для самолазвития.

Ох уж эта бабуля с ее бизнес-тренингами... Вот откуда у моей пятилетки всякие словечки в лексиконе берутся.

Раскладываю макароны по тарелкам, посыпаю их тертым сыром и ставлю одну перед Соней. Та морщит нос.

– Опять макалоны?

– Зато с сыром.

– А сосиски?

– Сосиски закончились, зайка.

Соня тяжело вздыхает и берется за вилку.

У меня от этого сердце щемит. Хочется дать ей все самое лучшее на свете, купить кучу вкусняшек, а не кормить надоевшими макаронами... что же я за мама такая?

– Когда у нас будет много денюшек, мы будем есть сосиски

каздый день! – заявляет Соня. – И Мулзик тозе, он обозает сосиски! Плавда, Мулзик?

Котенок из-под стола мяукает, услышав свое имя.

Сажусь напротив дочки и ковыряюсь в тарелке. Настроения нет и есть тоже не хочется совершенно. В голове крутятся одни и те же вопросы, как заевшая пластинка.

Тринадцать миллионов и неделя сроку. Еще и квартиру грозят отобрать... где мне вообще найти такие деньги? Конечно, заявление на Стаса я написала после работы, но что-то мне подсказывает, что даже если его найдут и осудят, деньги он мне не вернет.

Еще и этот утренний звонок от коллекторов... до сих пор от него мурашки по коже. Я про вымогателей в полиции тоже рассказала и очень надеюсь, что это поможет.

– Мама, ты не почему не кусаес? – замечает Соня, ловко наматывая макаронину на вилку.

Опомнившись, я улыбаюсь:

– Задумалась просто.

– Опять пло денюски?

– Нет, что ты.

Соня смотрит на меня с укором. Вот же пронизательная мелочь.

– Мама, ты когда пелезываесь, блови хмулишь. Сейчас ты хмулишь.

Невольно провожу пальцами по переносице и заставляю себя расслабить лицо.

– Все хорошо, солнышко. Ешь давай, а то остынет.

После ужина и умываний Соня требует почитать сказку перед сном. Я устраиваюсь у нее на кровати с книжкой и она тут же уютно укладывается мне под бочок. Мурзик тоже не отстает от хозяйки и клубком сворачивается в ногах. Открыв потрепанную книжку, я читаю:

– “Жила-была на свете маленькая девочка, и звали ее...”

– Соня! – радостно подсказывает дочка.

– Ты помнишь, что в книжке написано “Маша”, – смеюсь я.

Эту сказку мы читали уже тысячу раз, но она совсем дочке не надоедает.

– Пусть будет Соня! – дует она губки. – Так интелеснее.

Улыбаюсь и продолжаю читать, меняя имя героини. Соня слушает, приоткрыв рот, хотя знает историю наизусть. Примерно к концу истории ее глаза начинают слипаться. Замечаю это и чуть понижаю голос.

– ...и тогда храбрая Соня сказала дракону...

Тихое сопение рядом.

Осторожно откладываю книжку и с нежностью смотрю на дочку. Рыжие волосы разметались по подушке, ресницы подрагивают. Такая маленькая, такая беззащитная, но в то же время храбрая малышка. Мое сокровище. И я единственный человек, который должен ее защитить.

Что я буду делать, если у нас отберут квартиру? Куда мы пойдем? К родителям? Они и сами живут на пенсию, еще не

хватало, чтобы и с сердцем плохо стало, когда узнают, в какую передрыгу я попала. Брат Денис тоже уже с семьей двое детишек своих... мы простые люди, откуда нам взять миллионы? Еще и за неделю...

Резкий звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть.

Сердце тут же подскакивает в груди и принимается бешено колотиться о ребра. Кто в такое время может прийти? Десять вечера, я никого не жду. Может ошиблись дверью?

Но звонок повторяется, а следом за ним, будто его мало, в дверь стучат.

Осторожно выбираюсь из кровати Сони, стараясь ее не разбудить, и на цыпочках иду к двери. Она старая еще, деревянная, обитая дерматином. И без глазка. Поэтому я замираю у входа и стараюсь прислушаться, чтобы понять, что происходит на лестничной клетке.

И тут в голову приходит самая очевидная мысль: что, если это Марк? Ему же раз плюнуть нас найти, вот и появился снова права качать. А может... может вообще о Соне стал догадываться?

Торопливо открываю замки, когда в дверь снова долбят. Надо прогнать его, чтобы дочку не разбудил! Резко распахиваю дверь и застываю.

На пороге стоят двое, здоровенных амбалов в черных куртках. А этим что еще надо? У меня же еще неделя!

– Елена Андреевна? – ослабившись и демонстрируя в ухмылке щербатый рот, спрашивает лысый амбал. – А мы за

вами. Тут у кое-кого вопросы назрели серьезные и в ваших же интересах на них ответить.

Сглотнув, я впиваюсь ногтями в косяк и робко выдавливаю:

– Но вы же давали мне неделю! Это ведь вы звонили? Мы утром с вами договаривались!

– Обстоятельства изменились, – пожимает плечами второй, с перебитым носом. – Да вы же в курсе, Еленочка Андреевна, не делайте из себя целку. В полицию же ходили? Жаловались им? Что, мол, бандиты всякие деньги у вас вымогают, отобрать квартиру угрожают... нехорошо, Лена. Мы же по-хорошему, на уступки пошли.

– Обидно, когда бандитом обзывают. Вот и босс наш тоже обиделся. Он человек с ранимой душой, знаете ли. Поэт, господи прости, – с издевкой паясничает его щербатый подельник.

Меня начинает мелко трясти.

– Я... да нет, это какая-то ошибка, – мямлю я, отступая в квартиру.

Знаю, что ничем хорошим эта встреча не кончится и делаю попытку захлопнуть дверь.

Но мужик с кривым носом ловко подставляет ногу в щель между косяком. Навалившись, легко заставляет дверь открыться, будто мои усилия для него вообще ничего не значат.

– Негостеприимно как, Елена Андреевна, – осуждающе

качает он головой, ввалившись в крохотную прихожую.

В панике оглядываюсь, пытаюсь придумать, что делать, как защититься. Опомнившись, я распахиваю рот, чтобы закричать и позвать на помощь, но щербатый тут же цедит:

– Только пикни. Я тебя так по лицу приласкаю, что юшкой умоешься, поняла меня?

– Собирайся давай, – уже без притворной ласковости приказывает мужик со сломанным носом. – Поедешь сама с боссом разговаривать. Он так решил.

– Я-я н-не могу, – заикаюсь, мотаю головой, выставляя перед собой руки в защитном жесте, – у меня ребенок спит!

– Мама?..

Сердце падает вниз. В ужасе я оглядываюсь на Соню. Она потирает сонно глаза и испуганно спрашивает:

– Мама, а кто эти дяди?

Инстинктивно бросаюсь к ней, чтобы загородить собой от непрошенных гостей.

– Все хорошо, зайка, это... гости. Иди в комнату, ладно?

– Не надо в комнату. С собой девчонку бери, – командует щербатый. – Сговорчивей будешь, раз с первого раза плохо поняла.

Глава 9

Марк

Ночь я провожу, ворочаясь с боку на бок, плююсь в потолок, считаю дурацких овец, но сон не идет. Перед глазами то и дело всплывает лицо Лены, которое я, казалось, забыл и вытравил давно из памяти. А еще меня очень задело сравнение с отцом.

Яблоко от яблони...

Да что она вообще знает?! Я уж точно не как папаша, что на похоронах собственной жены, моей матери, даже скорбное лицо не попытался сделать. Для него бизнес, прибыль, цифры и показатели всегда на первом месте. Я вообще не такой! Да, я стараюсь быть профессионалом, но не таким черствым и холодным! Я вообще другой. Я...

А какой я, собственно?

Хмуро плююсь в стену и мысленно провожу анализ. И, мать его, действительно все больше сходства с отцом нахожу. В последние годы я зачерствел, как будто с уходом Лены грубее стал.

Где-то под утро мне все-таки удастся провалиться в беспокойный сон. Снится какая-то дичь: розовые машинки, сосиски с глазами и рыжая девчонка, которая командует армией котов.

Просыпаюсь от того, что солнце бьет прямо в лицо. Щу-

рюсь, тянусь к телефону на тумбочке. Я что, все будильники проспал? И так и есть, часы на экране показывают половину восьмого и три непрочитанных сообщения от Павла.

Первое пришло в два часа ночи:

“Марк Семенович, нашел информацию по Елене Марковой. Отправил на почту. Кстати, у вас имя с ее фамилией забавно совпадают...”

Второе в пять утра:

“Там кое-что важное. Перезвоните, когда проснетесь.”

Третье в семь:

“Очень важное”.

Хмыкаю. Ну надо же, какой исполнительный, каждые пару часов просыпался что ли, чтобы проверить, прочел я сообщения или нет? Надо премию ему выписать.

Открываю почту и начинаю изучать досье Лены.

“Маркова Елена Андреевна, двадцать восемь лет. Генеральный директор ООО "Взлет". Зарегистрирована по адресу...”

Бла-бла-бла... я пролистываю стандартную информацию, которую и так по большей части знаю. Так, а вот это уже интересно, про Стаса.

Романов Станислав Игоревич, двоюродный брат. Три закрытых ООО за последние пять лет, все с долгами. Классический серийный кидала, который кочует от одной схемы к другой. И угораздило же Лену с ним связаться. Вот сразу видно неопытного человека.

Листаю дальше и натываюсь на раздел “Семейное положение и личная жизнь”. Опа, а вот сейчас и узнаем, от кого же моя дорогая Леночка дочку успела заиметь. Честно, уже даже руки чешутся познакомиться с нерадивым папашей, который в такой беде дочку оставил и жену. Хотя...

– Не замужем и в браке не состояла. Хм... этот хмырь ей что, ребенка заделал и смылся? – чешу затылок.

Тогда еще сильнее руки чешутся. Поздороваться, так сказать.

– Дочь: Маркова Софья Андреевна, пять лет. Отец в свидетельстве о рождении не указан. Дата рождения...

И вот тут мне будто битой в затылок прилетает. Такая очевидная мысль, что я даже не сразу ее осознаю.

Быстро считаю в уме. Лена исчезла в конце весны, а Соня родилась в феврале следующего года. Это же... это значит, что когда Лена сбежала, она уже была беременна. От меня беременна.

Соня – моя дочь.

Моя.

Дочь.

Какой же я тугодум!

Откидываю на кровать телефон и тупо пялюсь в стену, пытаюсь переварить. Почему я сразу об этом не задумался? Хотя это понятно, я же не ожидал ни хрена такой встречи, привык считать что Лена предала и сбежала.

Зато теперь ясно, откуда у этой мелкой рыжей бандитки

такая хватка и характер.

Значит, поэтому Лена испугалась, когда я сказал, что хочу помочь ради ее дочери. Просто не хотела, чтобы я узнал.

Вскакиваю на ноги и принимаюсь метаться по спальне, как загнанный в угол раненый зверь.

Да какого, мать его, черта? Зачем скрывать от меня шесть гребаных лет ребенка, если он мой?! Какой в этом смысл? Я бы женился сразу, ни на какой аборт бы не отправил!

Если только...

Резко останавливаюсь, будто налетев на невидимую стену от одной паршивой мысли. Что, если Лена сбежала, скрыв ребенка и ничего не объяснив, потому что переживала, что Соня может быть не от меня? Изменила и не знала, от кого ребенок?

Злость поднимается волной, растекается по каждой клетке тела. Хочется разнести всю квартиру, но вместо этого я хватаю телефон и собираюсь набрать номер Лены, который есть в личном деле. Она должна ответить на все мои вопросы и ни черта теперь не отвертится!

Стоп.

Медленно выдыхаю и заставляю себя думать головой, не поддаваться эмоциям. Приходится, скрипя зубами, навернуть еще десяток кругов по комнате, чтобы хоть как-то спустить пар.

Нет, это не телефонный разговор. Я сейчас только дров наломаю, наору и она вообще замкнется.

А еще мне не хочется верить в версию с изменой. Вот до тошноты не хочется. Сам факт, что она скрыла ребенка, уже ни в какие ворота. Да и... сколько помню Лену, она всегда была правильной и честной до мозга костей. И очень надеюсь, что это не изменилось.

У меня нет ответа, зачем прятать ребенка и растить его чуть ли не в нищете, когда я мог дать всё. Хотя ладно, про нищету я загнул, конечно, но до причин я докопаюсь.

Взяв себя в руки и успокоившись, я возвращаюсь к отчету Павла и листаю его дальше. Там как раз начинается страница с информацией о кредиторах Стаса. И этот придурок успел в прошлом даже уговорить парочку бизнесменов вложиться в крипту. Видимо золотых гор наобещал, а потом исчез.

Но интереснее всего в этом списке имя Артура Геворкяна. Указано, что у него пара точек с овощами-фруктами, видимо, для прикрытия, потому что в основном он дает деньги в долг и выбивает с других эти самые долги за процент. И приписка от Павла курсивом, что выбивает в основном силовыми методами.

Значит, именно эти люди звонили и угрожали Лене. Дали неделю на возврат тринадцати миллионов, которых у нее нет и быть не может. Надо срочно перевозить девчонок в безопасное место, пока я не разберусь с остальным.

Набираю Павла.

– Марк Семенович, доброе...

– Не до этого сейчас, – перебиваю помощника. – Подклю-

чи-ка службу безопасности к поиску. По Геворкяну пусть поработают, больше инфы на него накопают. Где обитает, с кем братается, как с ним связаться.

– Связаться? Марк Семенович, это же криминал, может лучше...

– Павел, – обрываю я сухо.

– Понял. Сделаю.

Сбрасываю звонок и сажусь на край кровати. Служба безопасности у меня что надо, в нее людей с военным прошлым набирали, даже парочка бывших эфэсбешников есть. Так что в том, что инфу найдут быстро сомнений нет.

А пока нужно поговорить с Леной. Для начала хотя бы попытаться убедить ее переехать, а уже потом узнать, почему она сбежала и скрывала от меня Соню.

Но главное, чтобы они были в безопасности. Остальное потом.

Быстро одеваюсь и хватаю ключи от машины. Мотор майбаха приятно урчит, стоит его запустить, и я вбиваю в навигатор адрес квартиры Лены, что откопал Павел. По пробкам до ее спального района ехать точно придется больше часа.

Когда наконец въезжаю в тихий дворик, бросаю машину прямо под знаком “Стоянка запрещена”. Бабулька у подъезда тут же начинает ругаться, но я игнорирую. Меня подгоняет какое-то неясное чувство тревоги, не дает задержаться на месте. Я даже на нужный этаж пешком взлетаю, потому что не в силах лифта дождаться.

Торможу перед нужной дверью и под дых будто удар ша-рахает. Она слегка приоткрыта, из небольшой щели тянет сквозняком.

Тут же врываюсь внутрь, готовый если что вцепиться в глотку незваному гостю, если тот внутри. Не оставляет же Маркова, в конце концов, двери нараспашку?

– Лена!

В прихожей опрокинута тумбочка, а ее содержимое рассыпано по полу.

– Соня!

Врываюсь на кухню, следом в маленькую комнатку – гостиную, а заодно и спальню, судя по всему. На диване смятый плед, в углу детская кроватка, повсюду какой-то бедлам. Сюда точно ворвались, чувство такое, будто тут драка происходила.

Под ложечкой неприятно сосет. Я не должен был уезжать, нужно было забрать их сразу, пусть бы Лена орала и ругалась, сколько влезет. Но я не мог предвидеть. Кредиторы давали на сбор денег неделю, так что случилось, что они вдруг пожаловали? Или это новые?

Стискиваю кулаки так, что трещат кости. Если они хоть пальцем тронули девчонок, если хоть малейший вред причинили, я их живьем закопаю. Голыми руками.

Откуда-то из-под детской кровати раздается писк, а затем и мяуканье. Робко выглянув, черный котенок, дрожа, тут же прячется назад. Мурзик!

Взгляд цепляется за розовый рюкзачок Сони и я, достав котенка, сую его внутрь. Тот жалобно мяучит.

– Тихо, мелкий, найду я твою хозяйку. Костями лягу, но найду, – говорю мрачно, направляясь к выходу.

На ходу достаю телефон и набираю на этот раз уже номер начальника службы безопасности. Я этих сволочей из-под земли достану и самолично туда же их загоню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.